

Лауреатом театральной премии "Золотая маска" в номинации "За честь и достоинство" стал художественный руководитель Большого драматического театра, народный артист СССР Кирилл Лавров. Наш корреспондент встретилась с ним между репетициями "Бориса Годунова", где он играет Пимена.

Кирилл ЛАВРОВ: Я НЕ АНГЕЛ

Труда - 1999 - 27 марта - с 5

— Кирилл Юрьевич, что для вас значат эти высокие слова — честь и достоинство?

— Лично для меня обозначаемые этими словами качества проявляются в отношении к делу. В Большом Драматическом я проработал 44 года, из них 33 — с Георгием Александровичем Товстоноговым. Для него же понятия чести и достоинства всегда были определяющими. Всю свою жизнь он трепетно относился к театру, и к БДТ — в частности. Мы гордились своим коллективом. Никому из нас даже в голову не могло прийти пренебрежительно или цинично отнестись к своей работе. Я никогда не позволял себе ради коммерческой выгоды нарушать художественные принципы нашего театра. Такими нас воспитал Товстоногов.

— Наверное, ваше чувство собственного достоинства воспитывалось не только театром, но и семьей?

— Несомненно, многое идет от семьи, от ее атмосферы. Я не помню, чтобы у нас в доме произносили какие-то высокопарные слова или занимались нравоучениями. Все строилось на доверии и самоуважении. Мои родители расстались, когда мне было пять лет. Я рос с мамой и бабушкой. Отец жил отдельно, но постоянно бывал у нас в доме, и мама всячески подчеркивала, что у меня есть отец. Позже я понял, что ей это было необыкновенно тяжело, но она несла свою боль с достоинством, потому что считала: ребенок не должен страдать из-за их развода. Я ей за это очень признателен. Отец был человеком колючим, принципиальным. Он всю жизнь проработал актером. Вначале в Ленинграде, потом в Киевском русском драматическом театре, стал народным артистом СССР и при этом терпеть не мог театральных сплетен, всегда был выше их. Я, по всей вероятности, впитал все это.

Мой дед по отцу был директором гимназии "Императорского человеколюбивого общества", ярым монархистом. Революцию он не принял и решил эмигрировать. А бабушка не захотела покидать Россию, осталась с детьми в голодном Петрограде. Можете себе представить, как каждый из них отстаивал свою правоту, пытался переубедить другого, но ни он, ни она от своих убеждений не отступились. Дед уехал, и мы долгие годы не знали, что с ним. А он поселился в Белграде и там учительствовал. Много лет спустя, уже в шестидесятые годы, я приехал в Югославию с фильмом, в котором снимался. После долгих поисков (а интерес к родственникам-эмигрантам тогда не поощрялся) я узнал, что деда нет в живых. Могила мне показал православный священник, который его отпевал. Совсем недавно мне звонили из той школы, в которой преподавал дед, просили прислать для музея материалы о нем.

— В семидесятые годы рассказывали, как вы ходили к секретарю обкома Романову убеждать, что Товстоногов — хороший режиссер.

— Однажды Романов пригласил меня к себе, и мы часа полтора беседовали о театральных проблемах города. В конце концов коснулись ситуации в БДТ. Я почувствовал, что Романов к Товстоногову настроен весьма враждебно, как к скрытому диссиден-

К. Лавров в фильме "Живые и мертвые".

ту. Пришлось употребить все свое красноречие, чтобы доказать, что Товстоногов — великий режиссер, что без него БДТ погибнет.

— А вы не опасались, что Романов и вас посчитает скрытым диссидентом?

— В такие моменты об этом не думаешь. В первую очередь думаешь о том, как убедительно доказать свою правоту. В те же годы Юрий Любимов, уже известный как человек, "подрывающий" основы советского строя, и совсем молодой балетмейстер Олег Виноградов поставили в Малом оперном театре "Ярославну". Спектакль был новаторски смелым, и на каком-то большом собрании его решили запретить.

Романов спросил: "Кто за?" В зале было человек 300, все подняли руки. "Кто против?" — один я. Тогда Романов предложил: "Товарищ Лавров, объясните свою позицию". Я вышел на трибуну и сказал, что считаю Виноградова очень талантливым художником, и если обком сейчас запретит спектакль, то дальнейшая творческая жизнь этого человека может быть сломана.

— Понятно, что вступать в спор с сильным противником нелегко. Но, наверное, так же трудно говорить горькую правду коллеге, особенно когда речь идет о совместной работе.

— Это почти невозможно. Люди театра очень ранимы. Если спектакль не понравился, ты отделиваешься общими фразами: "Спасибо, это очень неожиданно", в худшем случае скажешь: "Я бы сделал иначе". С другой стороны, нужно иметь большую смелость, чтобы взять на себя роль судьи. В конечном счете самый главный судья — это зритель. Если зал полон и артистов хорошо принимают — можно не читать рецензий.

— Но ведь зритель тоже бывает разный. Полные залы собирают и выступление артистов, далеких от высокого творчества.

— Здесь важно не пропустить на сцену откровенную пошлость. У меня на этот счет есть свои критерии, и я стараюсь им следовать. Некоторым критикам не все выбранные театром пьесы кажутся достойными сцены БДТ. Я бы хотел, чтобы у нас шли хорошие спектакли и артисты раскрывались наиболее полно. Но все ли я могу сделать, даже в положении художественного руководителя? Приглашенные театром режиссеры сами распределяют актеров на роли. Я бы в ряде случаев поступил иначе, но могу ли я "давить" на режиссера? Он ставит спектакль и последнее слово все-таки остается за ним.

— Как вы считаете, художник имеет право на ошибки или нет?

— Я не верю, что есть люди, которым удалось прожить "без

сучки и задоринки". Может быть, только у моей восьмилетней внучки нет никаких грехов, разве что конфетки без разрешения брала. А у человека, который прожил длинную жизнь, всегда есть по-

ступки, которых он стыдится. Другое дело — в каких масштабах он грешил и как к своим грехам относится сегодня. Я довольно близко знал Константина Симонова. Мы познакомились с ним, когда в нашем театре ставили его пьесу "Четвертый". Потом он пригласил меня в свой фильм "Живые и мертвые". Мы много разговаривали, и я видел, как он тяготится целыми кусками своей жизни, как тяжело переживает ошибки, совершенные

в молодости. В последние же годы своей жизни он занимал очень чистую и по-человечески красивую позицию, помогал всем, кому только мог. Важно не упорствовать в своих ошибках и не считать себя ангелом во плоти...

— Это вам удается? Например, в личной жизни?

— Я не считаю себя идеальным супругом. Наша семейная жизнь не безоблачна. Жена моя, актриса нашего театра Валентина Александровна Николаева, — человек с характером. Вместе мы живем уже больше 45 лет, но такого нет, чтобы кто-то подчинялся другому: когда один ведущий, а другой — ведомый. Мы до сих пор эти роли не распределили... Жена моя — очень честный, даже иногда прямолинейный человек. Говорит, что думает, без дипломатии. Я не всегда с нею соглашаюсь, но ценю ее принципиальность и верность своему слову.

— Ваша дочь Мария работает в театре, которым вы руководите. Это создает для вас дополнительные проблемы?

— Наши родственные отношения заканчиваются у порога театра. Другое дело, что сердце у меня за нее болит. Я радуюсь ее успехам, огорчаюсь, когда у нее какие-то неполадки. Но никогда в жизни не оказывал ей протекции. Я даже думаю, что Маша предпочла бы, чтобы папа занимался не театром, а чем-то другим.

— Значит, не только искусство вас сближает?

— Не только и не столько оно. Маша очень интересуется нашей родословной, нашими корнями. А они у нас достаточно глубокие. Несколько лет назад мы побывали под Вязьмой. Там, в трех верстах от Грибоедовской Хмелиты, есть село Григорьевское. Когда-то оно принадлежало Лыкошиным, моим прадедам по материнской линии. Грибоедов был дружен с Лыкошиными, бывал у них. (Сведения об этом мы нашли в тамошнем архиве). Одна из наших семейных традиций — это воскресные обеды, которые (спасибо жене — она устраивает) собирают всех. Приходит сын Сергей со своей женой, она тоже Маша; наша Маша со своим Володькой и Оленькой. Мы все очень любим эти встречи и ждем их. Отменяем, только если заняты в спектакле.

— Сейчас люди часто говорят о себе и о своем деле: "Мы не живем, а выживаем". А вы как — живете или выживаете?

— Мы живем! Трудно, конечно, ведь зарплату получаем небольшую, вдобавок ее съедает инфляция. Хорошо, что город немного подбрасывает, наш фонд помогает. Так что мы живем!

Беседа велась Полина СОЛОВЕЙ, соб. корр. "Труда". САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.